

Н.И. Ретнева, доцент кафедры уголовного права и криминологии Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук

ВЕРБОВКА В ЦЕЛЯХ СЕКСУАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ И ВОВЛЕЧЕНИЕ В ЗАНЯТИЕ ПРОСТИТУЦИЕЙ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ОТГРАНИЧЕНИЯ

Рассматривается проблема торговли людьми – актуальная как для Республики Беларусь, так и для мирового сообщества. Анализируются трудности, возникающие при квалификации торговли людьми и отграничения ее от иных смежных преступлений, в том числе от вовлечения в занятие проституцией. Высказано личное мнение автора по наиболее проблемным вопросам, связанным с применением норм уголовного права, направленных на противодействие торговле людьми, основанное на материалах судебной практики Республики Беларусь, предложениях отечественных и зарубежных ученых.

В 2005 г. в Уголовный кодекс Республики Беларусь были внесены изменения и дополнения в уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за преступления, связанные с торговлей людьми. Существенным изменениям подверглась и ст. 181 УК, непосредственно устанавливающая ответственность за данное преступное деяние. Диспозиция нормы кроме купли-продажи или совершения иных сделок предусматривает ответственность за вербовку, перевозку, передачу, укрытельство или получение человека, совершенные в целях эксплуатации. Указанные действия составляют самостоятельный блок альтернативных деяний, образующих объективную сторону торговли людьми, объединенных единой целью – эксплуатацией.

До внесения изменений и дополнений в уголовный закон ответственность за вербовку людей для эксплуатации была предусмотрена в самостоятельной статье – ст. 187 УК. В качестве обязательного признака объективной стороны этого преступления выступал способ его совершения – обман. Если учесть, что диспозиция ст. 181 УК (в прежней редакции) включала совершение и некоторых подготовительных действий, направленных на осуществление незаконных сделок в отношении человека, то вербовка лица путем обмана в случае, если виновный в дальнейшем имел намерение совершить куплю-продажу или иную сделку, должна была рассматриваться как торговля людьми. Между тем на практике вербовка лиц, ставших жертвами торговли людьми, в одних случаях квалифицировалась по ст. 187 УК (в прежней редакции), а в других – по ст. 181 УК (в прежней редакции). Иногда суды применяли обе статьи, квалифицировав содеянное по совокупности преступлений.

В соответствии со ст. 181 УК (в нынешней редакции) вербовка лица для эксплуатации рассматривается как признак объективной стороны единого преступления – торговли людьми, как это и предусмотрено Протоколом о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющим Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (далее – Протокол).

Понятие «вербовка» (от слова «вербовать») в русском языке означает набирать, нанимать, привлекать в какую-либо организацию [9, с. 64]. По мнению В.Ю. Калугина, вербовку (применительно к преступлению, предусмотренному в ст. 132 УК) следует рассматривать как действия по заключению соглашения о незаконном участии лица в военных действиях [3, с. 336]. Применительно к данному составу Э.Ф. Мичулис определяет вербовку как использование средств массовой информации, специальных пунктов и других средств по привлечению в качестве наемника (дача объявлений, отбор кандидатов и т. д.) [11, с. 37]. Аналогично трактовалась вербовка применительно к ст. 187 УК (в прежней редакции) Э.А. Саркисовой как действия по привлечению людей для найма на оплачиваемую работу или найм на такую работу, то есть заключение соглашения (легальный или нелегальный контракт) на какой-либо вид оплачиваемой работы при заведомости, что лицо помимо его воли будет подвергаться эксплуатации [11, с. 155]. По мнению П.К. Кривошеина и С.Ш. Ахмедовой, с уголовно-правовой точки зрения вербовка предполагает деятельность по подысканию, привлечению и заключению контракта (сделки) между вербовщиком и конкретным человеком или группой лиц в целях его (их) незаконной эксплуатации [4, с. 97].

На наш взгляд, вербовку применительно к торговле людьми следует рассматривать как наем, набор для каких-либо работ, привлечение к какой-либо деятельности, в том числе запрещенной законом, лиц с целью дальнейшей их эксплуатации. Это понятие охватывает как действия, направленные на заключение соглашения с лицом (начало вербовки), так и заключение такого соглашения (завершение вербовки). Однако применительно к торговле людьми необходимо определить момент окончания преступления: начало вербовки либо ее завершение.

По мнению В.В. Марчука, анализировавшего ст. 187 УК (в прежней редакции), предусматривавшую ответственность за вербовку людей для эксплуатации, вербовка считается оконченной с момента совершения действия, выраженного в обращении в любой форме виновным хотя бы к одному лицу с соответствующим предложением, независимо от того, согласилось или нет лицо на выдвинутое ему предложение [6, с. 71].

Несколько иной точки зрения придерживаются российские ученые, которые полагают, что вербовка является оконченной в момент получения согласия вербуемого лица вне зависимости от того, состоялась ли предполагаемая сделка или нет [10, с. 511].

Следует согласиться с автором комментария ст. 187 УК (в прежней редакции) А.В. Барковым, который связывает момент окончания вербовки с моментом заключения хотя бы одного соглашения между вербовщиком и потерпевшим [3, с. 430]. Если цель виновного не была достигнута и лицо отказалось от предлагаемой работы, то налицо признаки покушения на преступление.

В правоприменительной практике возникают проблемы, связанные со сложностями в разграничении вербовки в целях сексуальной эксплуатации и вовлечения в занятие проституцией. По мнению М.Ю. Буряк, основной критерий разграничения связан с фактом добровольности привлечения лица к занятию проституцией. Так, если умысел виновного был направлен на последующее использование проституции потерпевшего и совершается в форме привлечения, то есть подразумевается добровольность, хотя бы и под влиянием обмана, то действия должны квалифицироваться как вербовка в рамках торговли людьми. Если целью является занятие проституцией потерпевшего и осуществляется как в форме привлечения, так и с использованием принуждения, то действия следует квалифицировать как вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ) [2, с. 26–27].

С данной точкой зрения не согласна И. Алихаджиева, которая считает, что добровольность не является безусловным критерием разграничения конкурирующих составов преступления. По ее мнению, отграничение вербовки от ненасильственного вовлечения в занятие проституцией состоит в том, что при вербовке не просто возбуждается желание заниматься проституцией либо достигается согласие жертвы на вхождение в коммерческий секс, но и наличествует субъективная оценка потерпевшим самой сути деятельности, когда для него очевидна не только сама перспектива занятия проституцией, но и конкретные обстоятельства этой его деятельности в будущем [1, с. 6].

А.В. Наумов предлагает проводить разграничение рассматриваемых преступлений в зависимости от объекта преступного посягательства. Поскольку, по мнению автора, торговля людьми своим объектом имеет свободу личности, а объектом вовлечения в занятие проституцией является общественная нравственность и здоровье населения, то в основу разграничения преступлений следует положить факт посягательства на свободу соответствующего лица. Вербовка человека в целях его сексуальной эксплуатации, как считает ученый, образует состав торговли людьми в том случае, если, например, лицо лишают свободы (отбирают документы, запирают в помещении и т. д.). Напротив, если вербовка человека для занятия проституцией (и его согласие на это) не связана с лишением его свободы, содеянное следует квалифицировать как вовлечение в занятие проституцией [7, с. 15].

Однако для правоприменительной практики такой признак состава преступления, как объект посягательства, не служит основным отграничивающим критерием при решении вопроса о квалификации торговли людьми. Более того, как показывает практика, вербовка носит добровольный характер и сопряжена, как правило, с обманом, злоупотреблением доверием или использованием зависимого положения, при котором потерпевший соглашается на предложенную работу, заблуждаясь либо относительно рода такой работы, либо условий предлагаемой деятельности, не сознавая того, что в дальнейшем будет подвергнут эксплуатации. Крайне редки случаи получения согласия потерпевшего путем угрозы применения насилия, ограничения свободы или использования иных способов воздействия. Напротив, при вовлечении в занятие проституцией лицо вынужденно согласиться на занятие подобного рода деятельностью под воздействием уговоров, угроз, шантажа либо посредством физического насилия.

Отграничение рассматриваемых составов преступлений следует проводить и по субъективной стороне, прежде всего по такому ее признаку, как цель. Если будет установлено, что виновный, вовлекая лицо в проституцию, преследует цель в дальнейшем использовать это лицо для сексуальной эксплуатации, его действия следует квалифицировать как торговлю людьми. При отсутствии такой цели должна применяться ст. 171¹ УК.

В правоприменительной практике это положение не всегда учитывается при квалификации преступлений, связанных с торговлей людьми. Так, например, действия обвиняемой К., квалифицированные органами предварительного следствия как торговля людьми в целях сексуальной эксплуатации, сопряженной с вывозом потерпевшего за пределы государства, судом были переклассифицированы на ст. 171¹ УК. Основным доводом суда стало отсутствие доказательств наличия у обвиняемой конечной цели – эксплуатации потерпевших в своих интересах либо получения в дальнейшем от третьих лиц какого-либо вознаграждения за передачу потерпевших. Роль обвиняемой заключалась в

вовлечении девушек в занятие проституцией, доставке их до места назначения и устройстве в бордель в качестве проститутки.

В юридической литературе существует точка зрения, согласно которой цель, являясь конструктивным признаком состава торговли людьми, не позволяет разграничить рассматриваемые преступления, поскольку и вербовщик для последующей эксплуатации, и лицо, вовлекающее в занятие проституцией, преследуют цель завербовать (вовлечь) потерпевшего для сексуальной эксплуатации (в занятие проституцией) [1, с. 4]. Позиция автора вызывает возражения, поскольку в данном случае происходит отождествление понятий сексуальной эксплуатации и занятия проституцией, что в первую очередь противоречит Протоколу, который, сформулировав в ст. 3 определение торговли людьми как осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод для получения согласия лица, контролирующего другое лицо, исключил тем самым возможность рассмотрения в рамках данного состава любых форм организации проституции, если отсутствует какой-либо из способов воздействия на потерпевшего с целью поставить его в положение, при котором он не сможет отказаться от выполнения подобного рода работ.

Неоднозначная трактовка признаков сексуальной эксплуатации в правоприменительной практике Республики Беларусь обусловила и сложности в разграничении торговли людьми со смежными составами преступлений, в том числе и в разграничении вербовки в целях сексуальной эксплуатации и вовлечения в занятие проституцией. Исходя из буквального толкования определения сексуальной эксплуатации, содержащегося в примечании 2 к ст. 181 УК, вытекает, что действия лица, получающего выгоду от использования лиц женского или мужского пола в области оказания сексуальных услуг, характеризуются как эксплуатация в сексуальной сфере независимо от акта насилия или иных форм принуждения и согласия лица на выполнение указанных услуг.

Однако сексуальная эксплуатация представляет собой разновидность эксплуатации вообще, поэтому при решении вопроса о наличии в действиях виновного цели сексуальной эксплуатации необходимо установить признаки, которые характеризуют понятие эксплуатации, содержащейся в основном составе торговли людьми, а именно наличие элементов принуждения или иных способов воздействия, с помощью которых лицо принуждается к оказанию сексуальных услуг.

Данную позицию разделяют и авторы научно-практического комментария к Уголовному кодексу Республики Беларусь, по мнению которых использование занятия проституцией другим лицом, осуществляемое с принуждением человека к оказанию сексуальных услуг (в случае, если он по независящим от него причинам не может отказаться от оказания услуг), является разновидностью сексуальной эксплуатации [8, с. 345].

Аналогичное мнение высказано и представителями Верховного суда Республики Беларусь, которые убеждены, что недопустимо расширительное толкование понятия «использование занятия проституцией» и отождествление его с понятием «сексуальная эксплуатация» в контексте торговли людьми при отсутствии предусмотренных примечанием 1 к ст. 181 УК признаков эксплуатации как таковой [5, с. 16].

Этот вывод подтверждается и материалами судебной практики. Так, по одному из уголовных дел отсутствие признаков эксплуатации послужило основанием переквалификации судом действий виновного со ст. 181 УК на ст. 171 УК. С учетом положений ч.1 примечания к ст. 181 УК Республики Беларусь суд пришел к выводу, что обвиняемый не намеревался подвергнуть потерпевших эксплуатации, в том числе и сексуальной. Из материалов дела следует, что обвиняемый сообщил потерпевшим цель их поездки за пределы государства, а также вид и условия их предстоящей деятельности – оказание сексуальных услуг. Потерпевшие не были введены в заблуждение, не находились в какой-либо зависимости от виновного, лишавшей их возможности отказаться от выполнения услуг сексуального характера, они дали добровольное согласие как на выезд за пределы государства, так и на занятие проституцией. Более того, суд не усмотрел в действиях обвиняемых признака зависимости положения, которое возникло якобы в результате долговых обязательств за оплаченную в кредит дорогу, а также в результате отсутствия правовой и материальной возможности к существованию за рубежом и возвращения на родину. По мнению суда, такое незначительное долговое обязательство не может быть признано по своей сути вынужденным, ставящим потерпевших в такую зависимость, которая лишает их возможности отказаться от оказания сексуальных услуг.

Наряду с указанными признаками объективной и субъективной стороны сравниваемые составы преступления различаются и по моменту их окончания. Как было отмечено, вербовка считается окончанным преступлением с момента достижения соглашения с вербуемым лицом, в то время как вовлечение в занятие проституцией является окончанным преступлением с момента совершения указанных действий независимо от того, приступило ли склоняемое лицо к занятию проституцией [8, с. 348].

Данная позиция закреплена в постановлении пленума Верховного суда Республики Беларусь от 20 июня 2002 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» [9].

Однако существует и иная точка зрения, согласно которой вовлечение считается окончанным преступлением, когда вовлекаемый фактически стал заниматься проституцией. Если же, несмотря на оказанное воздействие, вовлекаемый заниматься проституцией не стал, то действия вовлекающего следует квалифицировать как покушение на вовлечение (ч. 1 ст. 14 ст. 171-1 УК) [5, с. 17]. Аналогичная точка зрения имеет место и у некоторых российских ученых, которые считают состав вовлечения в занятие проституцией материальным. Вменение в вину указанного преступления, по их мнению, предполагает доказывание не только действий по склонению потерпевшего к занятию проституцией, но и наступивших общественно опасных последствий в виде непосредственного занятия проституцией. В связи с этим доказыванию подлежат как минимум два факта вступления потерпевшего в половой контакт, не основанный на личной симпатии, за вознаграждение [10, с. 43–44]. Тем не менее, несмотря на различные точки зрения, правильнее было бы исходить из того, что вовлечение в занятие проституцией признается окончанным преступлением независимо от того, начало ли лицо заниматься проституцией или нет.

Подводя итог, следует сказать, что иногда при разграничении внешне схожих по характеру общественной опасности преступлений необходимо выделить не единственный критерий, а совокупность признаков, которые позволили бы найти правильное решение относительно применения той или иной уголовно-правовой нормы и исключить ошибки в правоприменительной деятельности при квалификации преступлений.

Библиографические ссылки

1. Алихаджиева, И. О разграничении торговли людьми и вовлечения в занятие проституцией (статья 127.1 и 240 УК России) / И. Алихаджиева // Уголов. право. 2008. № 1.
2. Буряк, М.Ю. Торговля людьми и борьба с ней (криминологические и уголовно-правовые аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.Ю. Буряк. Владивосток, 2005.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А.В. Баркова. Минск : Тесей, 2003.
4. Кривошеин, П.К. Уголовная ответственность за торговлю людьми / П.К. Кривошеин, С.Ш. Ахмедова // Уголовно-правовые, пенитенциарные принципы и их реализация: правотворческий, правоприменительный уровень : Всерос. науч.-практ. конф. 28–29 марта 2005, г. Саратов : в 2 ч. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2005.
5. Лаевский, В. Противодействие торговле людьми: некоторые вопросы квалификации преступлений / В. Лаевский // Суд. весн. 2006. № 3.
6. Марчук, В.В. Уголовно-правовая оценка вербовки людей для эксплуатации / В.В. Марчук // Право Беларуси. 2002. № 22.
7. Наумов, А. Разграничение преступлений, предусмотренных ст.ст. 127.1 и 24 УК / А. Наумов // Законность. 2007. № 6.
8. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. Минск : ГИУСТ БГУ, 2007.
9. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М. : Рус. яз., 1984.
10. Торговля людьми в Российской Федерации: квалификация, предупреждение, расследование : учеб.-практ. пособие. М. : Юристь, 2007.
11. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть / А.И. Лукашов [и др.] ; под общ. ред. А.И. Лукашова. Минск : Тесей, 2001.

А.Л. Савенок, заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по учебной работе, кандидат юридических наук, доцент

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Рассматриваются актуальные проблемы изучения эффективности в уголовном праве. Отмечается, что в настоящее время в уголовно-правовой литературе выделяются три основных направления изучения эффективности: 1) по рецидиву, 2) по результативности предупреждения преступности (общее и специальное предупреждение), 3) по показателям преступности (состоянию и динамике). Проведенное автором исследование свидетельствует, что в теории уголовного права сложились разные, порой противоречивые мнения о понятии эффективности и способах ее изучения. Предлагается рассматривать проблему изучения эффективности в тесном взаимодействии с механизмом уголовно-правового регулирования. Обеспечивая эффективность формирования и функционирования каждого элемента механизма уголовно-правового регулирования, можно обеспечить эффективность уголовного закона.